

DOI: 10.15643/libartrus-2019.1.6

Интертекст русской литературы в новелле Т. Манна «Тонио Крегер»

© Г. Г. Ишимбаева

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: galgrig7@list.ru

В статье, посвященной исследованию герменевтических и имагологических аспектов проблемы «Томас Манн и русская литература», рассматривается русский литературный интертекст манновской новеллы «Тонио Крегер» с точки зрения особенностей функционирования в ней инонациональных «чужих» образов и их интерпретации немецким писателем. Даются структурно-композиционные, идейные и содержательные характеристики новеллы Т. Манна, кульминация которой связана с образом Лизаветы Ивановны, способствующей прозрению Тонио Крегера. Формулируется ее функциональное назначение: в пространстве художественного мира новеллы она является земным воплощением вечной женственности; она близка святой Софии, в которой Гете видел духовно-телесное начало, где сняты противоречия и помехи к человеческой коммуникации, и в которой подчеркивал материнские черты, а также святой Софии, Премудрости Божией, которую Вл. Соловьев истолковывал как богиню грядущего Третьего царства, где сольются в гармонии природа и дух. Дается компаративистский анализ образа манновской Лизаветы Ивановны с ее тезками из повести Пушкина «Пиковая дама» и романа Достоевского «Преступление и наказание», генетически связанными с «бедной Лизой» Карамзина. Делается вывод о существенном значении поэтонима Лиза в истории классической русской литературы, о его интертекстуальной природе, о его богатстве культурными аллюзиями и реминисценциями; о том, что Т. Манн вписывает свою героиню по имени Лизавета в определенный типологический ряд и дает возможности для ее глубоких художественных рецепций. Доказывается, что новелла, имеющая автобиографический характер, выражает одну из центральных идей имплицитной философии Т. Манна, за которой стоит опыт личного переживания «русской идеи».

Ключевые слова: *Томас Манн, русская литература, Пушкин, Достоевский, Карамзин, Тонио Крегер, Лизавета Ивановна, имагология, герменевтика, компаративистика, интертекст.*

Творческие контакты с русской литературой были очень важны и плодотворны для мыслителя и художника Т. Манна, который размышлял о ней на протяжении всей своей жизни, актуализируя то, что наиболее отвечало его идейным и художественным поискам.

Тема «Томас Манн и русская литература» основательно изучена в работах классиков отечественной германистики, среди которых безусловно выделяется книга Т. Л. Мотылевой «Томас Манн и русская литература (к 100-летию со дня рождения)» [18], где исследуется манновская концепция русской литературы, изложенная в статьях писателя.

К анализу особенностей осмысления Т. Манном творчества русских писателей и их отдельных произведений обращались В. А. Аветисян (Т. Манн и Пушкин) [2], Д. Е. Бертельс (Т. Манн и Чехов) [4], В. В. Дудкин (новелла Т. Манна «Паяц» и «Записки из подполья» Достоевского) [10], М. С. Кургиян (утопия из «Сна» Ганса Касторпа – роман «Волшебная гора» – и утопия из «Сна смешного человека» Достоевского) [16], В. А. Пронин («Волшебная гора»

Т. Манна и «Идиот» Достоевского) [20], Г. Г. Ишимбаева («Доктор Фаустус» Т. Манна и «Братья Карамазовы» Достоевского) [14] и др. [1, 22–23]. Особое внимание отечественные литературоведы – А. И. Жеребин [11–12], Н. Г. Колихалова [15], Е. В. Барина [3] – уделяли исследованию формулы «святая русская литература», сложившейся в новелле Т. Манна «Тонио Крегер».

Вместе с тем в российской германистике нет работ, посвященных раскрытию герменевтических и имагологических аспектов проблемы «Томас Манн и русская литература». Этим обусловлены актуальность и научная новизна настоящей статьи, в которой рассматривается русский литературный интертекст манновской новеллы «Тонио Крегер» (1903), произведения во многом автобиографического и в содержательно-идейном отношении перекликающегося с романом «Будденброки», с точки зрения особенностей функционирования в ней инонациональных «чужих» образов и их интерпретации немецким писателем.

Нас интересует прежде всего вопрос художественной рецепции одного женского образа этой новеллы, связанного с русской литературой и очень показательного для творчества Т. Манна, – образа Лизаветы Ивановны, который служит камертоном манновского отношения к русской словесности. Русская художница, тезка героинь «Пиковой дамы» Пушкина и «Преступления и наказания» Достоевского, в новелле близка святой Софии, в которой Гете видел духовно-телесное начало, где сняты противоречия и помехи к человеческой коммуникации, и в которой подчеркивал материнские черты, а также святой Софии, Премудрости Божией, которую Вл. Соловьев истолковывал как богиню грядущего Третьего царства, где сольются в гармонии природа и дух.

Новелла состоит из восьми эпизодов, скомпонованных в две симметричные части и соединенных повествовательной связкой. В них воссозданы отдельные моменты из жизни главного героя, сначала подростка, затем взрослого человека. И обе части, зеркальные по отношению друг к другу, с вариациями на одну и ту же тему, с одними героями, с повторяющимися ситуациями (танцы, неуклюжая девушка и т.д.), завершаются появлением Лизаветы Ивановны – в первой части наставницы, во второй – доверенного адресата Тонио Крегера. Ситуационное подобие двух частей новеллы ярче высвечивает эволюцию героя, кардинальные изменения, которые произошли в его сознании, и их связь с русской художницей.

Эпизод с участием Лизаветы Ивановны явно задуман Т. Манном как кульминационный в первой части новеллы. До него дается история отношений Тонио Крегера с Гансом Гансеном (1 эпизод, герою 14 лет) и с Инге Хольм (2 эпизод, герою 16 лет), а также пунктирно намечается путь Тонио Крегера, уезжающего из родного города, ищущего себя и свою дорогу в жизни (3 эпизод, герой взрослеет). Эти первые 20 страниц текста новеллы содержат своего рода предысторию и настоящее Тонио Крегера и отчасти его семьи и фиксируют наличие глубокого неразрешимого конфликта между болезненным, погруженным в духовные поиски героем и миром прозаичных здоровых бюргеров.

Романтический в своей основе конфликт усложнен тем, что рассказчик в манновской новелле по-ницшеовски трактует искусство и художника, а герой новеллы амбивалентно относится к феномену бюргерства и к самому себе. С одной стороны, автор-повествователь почти по Ницше замечает: «...в той же мере, в какой слабело его здоровье, изощрялось его писательское мастерство; оно становилось все более изысканным, привередливым, отшлифованным...» [18, с. 213]. С другой, фиксирует двойственность позиции главного героя, который уже в ранней юности был убежден: «Мы же не цыгане в таборе, а добропорядочные люди: консул Крегер, семейство Крегеров...» [18, с. 198] и задавался вопросом: «Почему я какой-то отщепенец,

не такой, как все...» [18, с. 198]. Испытывая в школьные годы «грустную зависть» [18, с. 204] к своим белокурым и голубоглазым друзьям, он, взрослея, постигает «муку и высокомерие познания», вместе с которыми пришло одиночество [18, с. 212].

После этого обозначения круга проблем, которые несет в себе раздвоенная душа Тонио Крегера, в тексте новеллы следует пятнадцатистраничный 4-й эпизод, героиней которого является Лизавета Ивановна. Сверстница Крегера, русская художница обладает даром слышать своего друга, который предельно откровенен с ней. Замученный конфликтами и противоречиями, взвинченный встречей с новеллистом Адальбертом, он излагает ей постулаты своей веры: художник расплачивается за свой дар одиночеством и неспособностью к простому человеческому счастью.

Два творческих человека, писатель и живописец, немец и русская, они мыслят и говорят на одном языке понятий. И хотя в их программном диалоге сталкиваются две эстетики: литературы как «проклятия» [18, с. 219] (у него) и литературы «как пути ко всепониманию, ко всепрощению и любви» [18, с. 222] (у нее), Тонио Крегер раскрывает Лизавете Ивановне самое сокровенное: «...в глубине души... я питаю к типу художника не меньше подозрений, чем любой из моих почтенных предков там, на севере, в нашем тесном старом городке питал бы к фокуснику или странствующему актеру, случись такому забрести к нему в дом» [18, с. 220]. Примечательна реакция Лизаветы Ивановны на это признание: «Я только глупая женщина, пишущая картины, и если у меня находится, что возразить вам, если мне иногда удастся защитить от вас ваше собственное призвание, то, конечно, не потому, что я высказываю какие-то новые мысли, – нет, я лишь напоминаю вам то, что вы и сами отлично знаете» [18, с. 222]. И главное, о чем она ему «напоминает», – это мысль о высоком предназначении художника,

Лизавета Ивановна, таким образом, претендует ни много ни мало на то, чтобы выступить в качестве альтер эго своего друга, озвучивая то, что он знает сам. И ей удалось сформулировать то, что она назвала «разрешением проблемы», которая так беспокоит его [18, с. 227]: «...вы, вот такой, какой вы сидите здесь передо мною, обыкновеннейший бургер» и ниже: «Вы бургер на ложном пути... Заблудший бургер» [18, с. 227]. В идейной структуре новеллы эта глава, в которой Лизавета Ивановна раскрывает Тонио Крегеру его самого, играет ключевую роль, являясь поворотным пунктом в развитии действия, поскольку герой принимает решение отправиться в Данию.

Вторая часть новеллы в событийном отношении состоит также из 4-х эпизодов: посещение родного города (5-й эпизод), морская поездка в Копенгаген (6-й эпизод), встреча в приморской гостинице в Аальсгаарде с Гансом Гансеном и Инге Хольм (7-й эпизод). Последняя глава воспроизводит атмосферу двух начальных эпизодов первой части. Тонио Крегер снова окунается в водоворот пережитых в юности чувств, снова думает о любви к Гансу и Инге, о том, что «...его пленяло в них тождество расы, типа, принадлежность к одной и той же породе людей – светлых, голубоглазых, белокурых, породе, вызывающей представление о чистоте, неомраченном благодушии, веселости, простом и горделивом целомудрии...» [18, с. 252]. Он понимает, что работал для них: «...и, когда мой труд вознаграждался рукоплесканиями, я потихоньку оглядывался, нет ли среди рукоплещущих вас обоих...» [18, с. 253]. Эпизод завершается фиксацией состояния Тонио Крегера, «опустошенного, измученного, больного, заблудшего», плачущего «от раскаяния и тоски по родине» [18, с. 257].

Последний эпизод второй части новеллы, он же ее финал, – двухстраничное письмо Тонио Крегера «испытанному другу» Лизавете Ивановне [18, с. 257–259]. Оно свидетельствует о том,

насколько права была в своем диагнозе русская художница: Тонио Крегер подает в качестве своих выстраданных идей ее формулировки. Как явствует из письма, он хорошо запомнил ее слова о себе – «заблудший бургер» [18, с. 257]. «И вот, – пишет он, – я спрашиваю себя: признавали ли Вы тогда, как близки Вы к истине, как тесно связаны друг с другом моя бургерская сущность и моя любовь к „жизни“» [18, с. 257]. Тонио Крегер пытается объяснить Лизавете Ивановне и самому себе, как возник подобный феномен: сын отца «северного темперамента» и матери, «в жилах которой текла смешанная экзотическая кровь» [18, с. 257], он видит в таком «соединении кровей» «немалые возможности» и «немалые опасности» [18, с. 257]. Тонио Крегер убежден: «В результате получился бургер, оплошно забредший в искусство, цыган, тоскующий по хорошему воспитанию, художник с нечистой совестью. Ведь это бургерская совесть заставляет меня в занятиях искусством, во всем из ряда вон выходящим и гениальном видеть нечто двусмысленное, глубоко подозрительное, вызывающее опаску. Отсюда и моя нежность, граничащая с влюбленностью, ко всему примитивному, простодушному, утешительно-нормальному, заурядному и благопристойному» [18, с. 258].

Как явствует из письма, Тонио Крегер под влиянием Лизаветы Ивановны пересмотрел свою позицию декадента и «проклятого поэта». Он понял, что «стоит между двух миров, ни в одном не чувствуя себя дома» [18, с. 258], что только в этом состоянии он может быть поэтом, что без «бургерской, обывательской любви к человеческому, живому, обыденному» [18, с. 258] не может состояться его творчество, что он не с «холодными гордецами», шествующими «по тропе великой, демонической красоты» [18, с. 258]. Таким образом, Лизавета Ивановна с ее верой в художника как святого и в литературу как спасение открывает онтологические истины своему другу, приближает его к пониманию самого себя и своего назначения художника и помогает ему благодаря этому изжить конфликт между собой и миром «белокурых и голубоглазых, живых, счастливых, дарящих радость, обыкновенных» [18, с. 259].

Это прозрение, настигающее Тонио Крегера в финале, позволяет постичь функциональное назначение русской героини. Она оказывается в пространстве художественного мира новеллы земным воплощением вечной женственности, чье назначение, по Гете, «тянуть» к «заповеданной истине» [6, с. 440], ипостасью святой Софии.

Эпизод с Лизаветой Ивановной важен и тем, что в нем раскрываются имагологические аспекты проблемы «Т. Манн и русская литература». Писатель доверяет Тонио Крегеру слова, которые часто цитируют, о «достойной преклонения русской литературе», о «святой русской литературе» [18, с. 222]. Слова эти содержат важнейшие константы художественной идеологии и философии самого Т. Манна – «святость», «русскость», «литература». Обращенные к Лизавете Ивановне, они служат коннотацией в ее имени-отчестве, основное значение которых в сознании прочитавших «Пиковую даму» Пушкина и «Преступление и наказание» Достоевского – бедная воспитанница старой эгоистичной графини и кроткая, похожая на маленького ребенка, безответная сестра старухи-процентщицы.

В обоих случаях имя героинь имеет дополнительные семантические оттенки значения.

Первый из них обусловлен литературностью происхождения от Лизаветы Ивановны – «бедной Лизы» – Карамзина.

Это имя практически не встречалось у русских писателей до конца XVIII в., когда после публикации сентиментальной повести Карамзина (1792 г.) девушка по имени Лиза стала одним из сквозных образов русской литературы. Как остроумно заметили П. Л. Вайль и А. А. Генис: «...на почве, увлажненной слезами бедной Лизы, выросли многие цветы сада российской

словесности» [5, с. 15]. Это имя носят героини Пушкина, Тургенева, Гончарова, Л. Толстого. Мощно представлен «лизин текст» в произведениях Достоевского, у которого многочисленны Лизы появляются в «Слабом сердце», «Записках из подполья», «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бесах», «Братьях Карамазовых», «Вечном муже».

Все это позволяет сделать вывод о сущностном значении поэтонима Лиза в истории классической русской литературы, о его интертекстуальной природе, о его богатстве культурными аллюзиями и реминисценциями [7, с. 8]. С последним связано, в частности, и то, что имя Елизавета имеет древнееврейские корни (так звали мать Иоанна Крестителя, жену первосвященника Аарона), и означает оно «почитающая Бога», «Бог – моя клятва», «Бог есть клятва ее» [24, с. 395–396]. То есть само имя положительно характеризует ту, кто его носит; но в контексте русской литературы оно, ассоциируемое прежде всего с бедной Лизой Карамзина, неотделимо от искренности, кротости, недоразделенной любви, смирения, страдания. Т. Манн, давая подобное имя своей русской героине, вписывает ее в определенный типологический ряд и дает возможности для ее глубинных художественных рецепций.

Лизавета Ивановна Т. Манна, при всей герменевтической открытости этого образа, вызывающего к истолкованию, демонстративно близка своим тезкам из русской литературы – Лизавете Ивановне Пушкина и Лизавете Ивановне Достоевского. Даже простое «механическое» сопоставление их обликов говорит об этом. В новелле Т. Манна повествователь так описывает внешность Лизаветы Ивановны, которой «тридцать с небольшим лет»: «Ее каштановые, стянутые в тугой пучок и чуть тронутые сединой волосы мягкими волнами ложились на виски, обрамляя смуглое, бесконечно привлекательное лицо славянского типа, со вздернутым носом, широкими скулами и маленькими черными сияющими глазами» [18, с. 215].

У пушкинской Лизаветы Ивановны, несмотря на некоторую размытость ее черт, выделены «черноволосая головка», «свежее личико и черные глаза» [21, с. 483]. У 35-летней Лизаветы Ивановны Достоевского смуглый цвет кожи, «доброе лицо и глаза», «хорошая улыбка» [9, с. 168]. Можно говорить о частичном параллелизме этих портретов с опорными словами «глаза» и «лицо». Т. Манн синтезирует некоторые черты внешности героинь Пушкина и Достоевского, когда пишет пронизанный литературными отражениями портрет своей Лизаветы Ивановны, личная жизнь которой, кстати, никак не обрисована, и среди друзей которой обозначен один только Тонио Крегер, занятый собой и своими переживаниями, – так в подтексте новеллы появляется тема одиночества героини и отсутствия любви в ее жизни.

Второй дополнительный оттенок значения, объединяющий героинь Пушкина и Достоевского, отсылает к их мученичеству:

1) «домашняя мученица» (Пушкин так и называет свою героиню [21, с. 481], а Достоевский передает тот же смысл через констатацию: Лизавета Ивановна находится «в полном рабстве у сестры» [9, с. 165], которая «задала ей страху» [9, с. 166];

2) «пренесчастное создание» – пишет Пушкин о своей героине [21, с. 481], и Достоевский говорит о том же, когда подчеркивает: его Лизавета Ивановна трепещет перед сестрой и терпит от нее даже побои;

3) «мученица в религиозном смысле». Первая Лизавета Ивановна, помимо своей воли ставшая помощницей убийцы Германна, которого искренне полюбила, раскаивается и, по сути, уподобляется Пушкиным Марии Магдалине; жизнь второй Лизаветы, умственно неполноценной, постоянно беременной, убитой Раскольниковым, вписывается в агиографический канон жития юродивой.

Слова о «святой русской литературе» вступают в контакт с добавочными смыслами имени героини-страстотерпицы, которое носит Лизавета Ивановна Т. Манна, открывающая Тонию Крегеру путь к самому себе. Она высвечивает благодаря этому главную проблему новеллы, связанную с обретением героем своего пути в искусстве, с преодолением кризиса и с возрождением. Лизавета Ивановна задает своему другу программу сакрального паломничества к Истине: художественное творчество в религиозно-этическом смысле служит оправданием жизни. К пониманию и приятию этой программы он приходит во время посещения родного города и Дании, во время этого путешествия географического, но, прежде всего, психологического – к самому себе, к собственному Я.

Мотив обретения себя и своего места в искусстве под благотворным влиянием Лизаветы Ивановны наполняется в новелле философским содержанием, а идея воскресения-возрождения разрешается в религиозном смысле. Тонию Крегер постигает Любовь в высшем смысле слова, – ту «любовь, о которой в писании сказано, что человек может говорить языком человеческим и ангельским, но без любви голос его все равно останется гудящей медью и кимвалом бряцающим» [18, с. 258]. Это прозрение становится залогом воскресения, духовного возрождения Тонию Крегера к новой жизни, т.е. аналогом Второго пришествия.

В свете того, что новелла имеет автобиографический характер, она воспринимается как одно из откровений молодого Т. Манна, вдумчивого читателя русской классики, постигавшего ее творческую и нравственную силу, гражданственность и пафос общественного служения. В кризисную эпоху начала XX в., потерявшего веру в Бога, Т. Манн, как и его герой, ищет и находит пути возрождения гуманизма, используя опыт «святой русской литературы», родовой чертой которой является «христоцентризм» [13, с. 137].

К формуле о «святой русской литературе», к «юношескому мифу русской литературы» [17] Т. Манн будет неоднократно возвращаться впоследствии, ею кодируются все узловые моменты его творчества. И чем глубже он будет погружаться в русскую духовность, тем яснее будет постигать свою немецкую суть.

Литература

1. Аверкина С. Н. «Русская антология» и немецкая идея Т. Манна // *Вестник Челябинского университета*. 2010. №4. С. 6–9.
2. Аветисян В. А. К вопросу о рецепции Пушкина в Германии // *Пушкин. Исследования и материалы*. СПб.: Наука, 1995. Т.15. С. 155–160.
3. Баринаева Е. В. «Русские» концепты в творчестве Томаса Манна 1890–1920-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. 185 с.
4. Бертельс Д. Е. Томас Манн и Чехов // *Проблемы международных литературных связей*. Л., 1962. С. 144–161.
5. Вайль П. Л., Генис А. А. Наследство бедной Лизы // *Родная речь*. М.: Независимая газета, 1991. С. 8–15.
6. Гете И. В. Фауст // *Собр. соч. в 10 т.* Т. 2. М.: Художественная литература, 1976. 510 с.
7. Головченко Г. А. Образ девушки Лизы как один из сквозных образов русской классической литературы // *Язык. Словесность. Культура*. М., 2013. №6. С. 89–104.
8. Горнакова Л. Ю. Аллюзивный русский поэтоним Лиза: опыт интертекстуального и лингвокультурологического анализа: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010. 229 с.
9. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // *Избр. соч.* М.: Художественная литература, 1990. С. 120–534.
10. Дудкин В. В. Об одном «оригинальном подражании» Томаса Манна // *Достоевский. Материалы и исследования*. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. Т. 2. С. 225–229.
11. Жеребин А. И. *Интерпретация литературного произведения в инокультурном контексте*. СПб.: Книжный дом, 2013. 68 с.

12. Жеребин А. И. Томас Манн и «юношеский миф русской литературы» // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. **2013**. Т. 72. №1. С. 45–51.
13. Захаров В. Н. О христианском значении основной идеи творчества Достоевского // *Достоевский в конце XX века*. М.: Классика плюс, **1996**. С. 137–146.
14. Ишимбаева Г. Г. Фауст-авангардист (Т. Манн) // *Образ Фауста в немецкой литературе XVI–XX веков*. М.: Флинта. Наука, **2002**. С. 163–213.
15. Колихалова Н. Г. «...И в России Гоголя, и в Германии Ницше...» (к истории формулы Томаса Манна «святая русская литература») // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр*. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, **2005**. С. 460–469.
16. Кургинян М. С. *Романы Томаса Манна (Форма и метод)*. М.: Художественная литература, **1975**. 336 с.
17. Манн Т. Русская антология // *Манн Т. Путь на Волшебную гору*. М.: Вагриус, **2008**. 464 с. URL: <https://coollib.com/b/219648>.
18. Манн Т. Тонио Крегер // *Собр. соч. в 10 т.* Т. 7. С. 194–259.
19. Мотылева Т. Л. *Томас Манн и русская литература (к 100-летию со дня рождения)*. М.: Знание, **1975**. 64 с.
20. Пронин В. А. Томас Манн // *История немецкой литературы*. М.: Логос, **2007**. С. 281–292.
21. Пушкин А. С. Пиковая дама // *Избр. соч.* М.: Художественная литература, **1990**. С. 476–495.
22. Русакова А. В. Томас Манн и русская литература // *Славяногерманские культурные связи и отношения*. М.: Наука, **1967**. С. 295–310.
23. Федоров А. А. Триптих Т. Манна о русской литературе // *Вестник МГУ*. **1973**. №3. С. 17–25.
24. Топоров В. Н. *«Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения*. М.: ИЦ РГГУ, **1995**. 512 с.

Поступила в редакцию 28.01.2019 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2019.1.6

Intertext of Russian literature in T. Mann's novel "Tonio Kröger"

© G. G. Ishimbaeva

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: galgrig7@list.ru

The article devoted to the study of the hermeneutic and imagological aspects of the "Thomas Mann and Russian Literature" problem examines the Russian literary intertext of the Mann's short story "Tonio Kröger" from the point of view of the features of the foreign characters functioning and their interpretation by the German writer. The structural-compositional, ideological and informative characteristics of T. Mann's novel are given, the culmination of which is connected with the image of Lizaveta Ivanovna, which contributes to the enlightenment of Tonio Kröger. Its functional purpose is formulated: in the space of the artistic world of the novel, it is the earthly incarnation of eternal femininity. It is close to Saint Sophia, in which Goethe saw a spiritual and physical beginning, where contradictions and obstacles to human communication were removed, and in which he emphasized motherly features, as well as Saint Sophia, the Wisdom of God, which V. Solov'ev interpreted as the goddess of the coming Third Kingdom, where nature and spirit will merge in harmony. A comparison of the image of Mann's Lizaveta Ivanovna with her namesakes from Pushkin's "The Queen of Spades" and Dostoevsky's novel "Crime and Punishment", genetically related to a "Poor Liza" by Karamzin, is given. The conclusion is made about the essential meaning of the poetonym Liza in the history of classical Russian literature, its intertextual nature, its richness in cultural allusions and reminiscences; T. Mann inscribes his heroine named Lizaveta in a certain typological series and provides opportunities for her deep art receptions. It is proved that the novel, which has an autobiographical character, expresses one of the central ideas of T. Mann's implicit philosophy, behind which is the experience of the personal feelings of Russian literature.

Keywords: Thomas Mann, Russian literature, Pushkin, Dostoevsky, Karamzin, Tonio Kröger, Lizaveta Ivanovna, imagology, hermeneutics, comparative studies, intertext.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ishimbaeva G. G. Intertext of Russian literature in T. Mann's novel "Tonio Kröger" // *Liberal Arts in Russia*. 2019. Vol. 8. No. 1. Pp. 68–76.

References

1. Averkina S. N. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta*. 2010. No. 4. Pp. 6–9.
2. Avetisyan V. A. *Pushkin. Issledovaniya i materialy*. Saint Petersburg: Nauka, 1995. Vol. 15. Pp. 155–160.
3. Barinova E. V. «Russkie» kontsepty v tvorchestve Tomasa Manna 1890–1920-kh gg.: dis. ... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 2007.
4. Bertel's D. E. *Problemy mezhdunarodnykh literaturnykh svyazei*. Leningrad, 1962. Pp. 144–161.
5. Vail' P. L., Genis A. A. *Rodnaya rech'*. Moscow: Nezavisimaya gazeta, 1991. Pp. 8–15.
6. Goethe J. W. *Faust. Sobr. soch. v 10 t. T. 2*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1976.
7. Golovchenko G. A. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. Moscow, 2013. No. 6. Pp. 89–104.
8. Gornakova L. Yu. *Allyuzivnyi russkii poetonim Liza: opyt intertekstual'nogo i lingvokul'turologicheskogo analiza: dis. ... kand. filol. nauk. Ivanovo, 2010.*
9. Dostoevskii F. M. *Izbr. soch.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. Pp. 120–534.
10. Dudkin V. V. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1976. Vol. 2. Pp. 225–229.
11. Zherebin A. I. *Interpretatsiya literaturnogo proizvedeniya v inokul'turnom kontekste [Interpretation of a literary work in a context of foreign culture]*. Saint Petersburg: Knizhnyi dom, 2013.

12. Zherebin A. I. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. **2013**. Vol. 72. No. 1. Pp. 45–51.
13. Zakharov V. N. *Dostoevskii v kontse XX veka*. Moscow: Klassika plyus, **1996**. Pp. 137–146.
14. Ishimbaeva G. G. *Obraz Fausta v nemetskoj literature XVI–XX vekov*. Moscow: Flinta. Nauka, **2002**. Pp. 163–213.
15. Kolikhalova N. G. *Evangel'skii tekst v russkoj literature XVIII–XX vv.: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr*. Petrozavodsk: izd-vo PetrGU, **2005**. Pp. 460–469.
16. Kurginyan M. S. *Romany Tomasa Manna (Forma i metod) [Novels by Thomas Mann (Form and Method)]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, **1975**.
17. Mann T. *Mann T. Put' na Volshebnyyu goru*. Moscow: Vagrius, **2008**. URL: <https://coollib.com/b/219648>.
18. Mann T. Tonio Kreger. *Sobr. soch. v 10 t. T. 7*. Pp. 194–259.
19. Motyleva T. L. *Tomas Mann i russkaya literatura (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Thomas Mann and Russian literature (on the 100th anniversary of his birth)]*. Moscow: Znanie, **1975**.
20. Pronin V. A. *Tomas Mann. Istorija nemetskoj literatury*. Moscow: Logos, **2007**. Pp. 281–292.
21. Pushkin A. S. *Pikovaya dama. Izbr. soch.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura, **1990**. Pp. 476–495.
22. Rusakova A. B. *Slavyanogermanskije kul'turnye svyazi i otnosheniya*. Moscow: Nauka, **1967**. Pp. 295–310.
23. Fedorov A. A. Triptikh T. *Vestnik MGU*. **1973**. No. 3. Pp. 17–25.
24. Toporov V. N. «*Bednaya Liza*» Karamzina. *Opyt prochteniya [“Poor Lisa” by Karamzin. Reading experience]*. Moscow: ITs RGGU, **1995**.

Received 28.01.2019.